

перспективы ее регулирования //Альманах мировой науки. - 2016, №3-3(6).- С.138-141.

3. Логачева О.А., Зеленев К.В. Биотехнические мероприятия, направленные на сохранение логовищ норных животных //Наука и образование в 21 веке, 31 марта 2016г.

4. Орловский, С.Н. Работа таксы по кровяному следу /С.Н. Орловский, К.В. Зеленев // «Вестник КрасГАУ». - 2014. - №3. - С.153-156.

5. Правила проведения испытаний и состязаний охотничьих собак. - Киров, 2006. - 143 с.

Секция «Палеопсихология охоты»

УДК 903 : 639.1.05 :159. 9 : 316.6

ИГРА КАК СРЕДСТВО ОХОТНИЧЬЕЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

А.В. Винобер

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия

В статье представлены тезисы палеопсихологии охоты и реконструктивно-аналитического моделирования охотничьей деятельности. Описаны сценарии и ретроспекции верхнепалеолитических ситуаций древней охоты и игр, как средства охотничьей социализации индивидуумов общины.

Ключевые слова: антропология охоты, палеопсихология, охота, социализация в первобытном обществе, охотничья социализация, архетип, игра, верхний палеолит, Мальта, Буреть, охотники на мамонтов, реконструктивно-аналитическое моделирование, реконструкция.

GAME AS A MEANS OF SOCIALIZATION HUNTING IN THE UPPER PALEOLITHIC

A.V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and
Development Fund, Irkutsk, Russia

The article presents abstracts paleopsihologii hunting and reconstructive-analytical modeling of hunting activities. Describes the scenarios and flashbacks upper Paleolithic situations of the ancient hunting and games hunting as a means of socialization of individuals in the community.

Key words: anthropology hunting, paleopsychology, hunting, socialization in a primitive society, socialization hunting, archetype, game, upper Paleolithic, Malta, Buret, mammoth hunters, reconstructive-analytical modeling, reconstruction.

В конце XIX века немецкий ученый К. Гросс, первым предпринявший попытку системного изучения игры, обнаружил, что в игре происходит предупреждение инстинктов применительно к будущим условиям борьбы за существование. Это открытие и по настоящее время остается малоизученным

и даже мало популярным в изучении игры, как средства социализации. Что касается темы охотничьей социализации в палеолите – это трактовка сущности и смысла игры в человеческой деятельности и человеческом развитии является краеугольным камнем для построения модели (или представления) реконструкции процесса охотничьей социализации и формирования охотничьего коллектива или общины охотников верхнего палеолита.

Американский исследователь и популяризатор социобиологии Д.Моррис в своей известной (вызвавшей много шума в среде научной и обывательской) книге «Голая обезьяна» (1967) утверждает, что «одна из существенных особенностей охоты, что это масштабная азартная игра». На первый взгляд мысль сомнительная и парадоксальная. Но мы знаем, что охота – это сложная трудовая деятельность человека на протяжении многих тысяч лет, в результате которой и сформировался сам *Homo sapiens* или современный «человек разумный» и вдруг оказывается, что это – всего лишь игра... Однако, еще ранее голландский историк и теоретик культуры Й.Хейзинга в 1938 году в книге «*Homo ludens*», утверждал об извечной первозданности человеческой культуры, никогда не порывающей со своими истоками. Прослеживая роль игры во всех сферах человеческой жизни и во всей истории в целом, он приходит к выводу, что вся культура – игровая, а сама игра – больше чем культура. [13, 23]

Русский философ и педагог С.И. Гессен считал, что «игра – это и есть деятельность, в которой сразу, в смутном единстве проявляются все инстинкты» [5]. Созвучно ему высказывание философа и методолога Г.П. Щедровицкого: «В игре можно имитировать любую область жизни». [25]

Э.Б. Тайлор (много раньше) замечал: «Когда мы рассматривает игры детей и взрослых с точки зрения этнологических выводов, которые могут быть извлечены из них, нас в этих играх прежде всего поражает то обстоятельство, что многие из них лишь шуточное подражание серьезному жизненному делу». [20]

Можно приводить значительное число разнообразных и созвучных определений «игры», высказанных многими известными антропологами, философами и психологами, но мы ограничимся еще одним высказыванием русского советского философа культуры М.С.Кагана, так как оно ближе подводит к заявленной нами теме: «В первобытности детская игра обнаруживает прямые генетические связи с играми детенышей у животных... Однако игры людей (прежде всего детские игры) – с самого начала обнаруживают заключенный в них сверхбиологический слой – социокультурный: поскольку человеческие качества, которые игра должна

была сформировать у детей, всё более и более отличаются от таких качеств животных, постольку игры детей стали обретать новые, не инстинктивные, а культурно-транслируемые качества ... постепенно наращивая свой интеллектуальный потенциал, резко повышая роль индивидуальных качеств ребенка в игровом действии – тремя началами – через игру, обряд и труд – человеческое тело выходило из природы в культуру». [19]

Игры есть у животных. У хищников – игры служат обучению охотничьим навыкам, индивидуальным и коллективным.

Игры необходимы для полноценного физического и психического развития особи. Лишенные игр детеныши вырастают агрессивными и трусливыми. [7]

«Игровое поведение приматов – источник обогащения индивидуально опыта их деятельности. Существует немало исследований игрового поведения приматов, в которых анализируется преимущественно игра-преследование, игра-борьба, игра-агрессия, связанные с овладением двигательными навыками и стадными отношениями, игры, имеющие исследовательскую направленность, игры – физические упражнения и другие формы игр. Особенностью всех этих игр является видимая их несвязанность с удовлетворением витальных потребностей. ... Игра приматов, по видимому, служит развитию не столько врожденных форм поведения, сколько получению опыта, который увеличивает разнообразие поведенческого репертуара данного животного, повышает его адаптивность к сообществу, к поиску и «обработке» пищевых и иных объектов. ... Игровое поведение проявляется преимущественно у детенышей и подростков, и выражается в двигательной активности, которая направлена на повторные преодоления затруднений при передвижении по пересеченной местности. Замечено, что такая двигательная активность происходит, когда рядом есть другие детеныши и часто сопряжена с их взаимодействием в игровом плане». [13]

Во все времена и у всех народов игра служит одним из средств социализации, способствующим вхождению нового поколения в человеческое сообщество (первичный человеческий социум, каким являлась первобытная община).

«Любой индивидуум формируется коллективом, суммой представленных в нем традиций, знаний, представлений, которые Л. Леви-Брюль и назвал коллективными представлениями. В какой-то мере идея коллективных представлений перекликается с идеей информационного поля ... но отличие, видимо, в упомянутой обязательности коллективных представлений для развития личности, необходимости их усвоения, чтобы

стать полноценным членом коллектива, тогда как информация, образующая информационное поле того или иного коллектива, может усваиваться любым индивидуумом с известной избирательностью, тем большей, чем больше объем информационного поля». [1]

Помимо коллективных представлений, знаний и традиций, которые являются осознаваемыми атрибутами психики индивидуума и коллектива (первобытной общины) не менее (если не более) важную роль в процессе социализации играют бессознательные атрибуты психики: инстинкты, архетипы и коллективное бессознательное. «Коллективное бессознательное – нечто вроде осадка опыта и одновременно – образ мира как некая его априорность; и возник этот образ давным-давно, во времена эона. В этом образе в течение времени были выдолблены определенные черты, так называемые архетипы и доминанты» [27]

В сущности, архетипы являются инстинктивным вектором, направленным трендом, точно таким же, как импульс у птиц вить гнезда, а у муравьев – строить муравейники. Здесь я должен пояснить разницу между архетипами и инстинктами. То, что мы называет инстинктами, является физиологическим побуждением и постигается органами чувств. Но в то же самое время инстинкты проявляют себя в фантазиях и часто обнаруживают свое присутствие только посредством символических образов. Эти проявления я и назвал архетипами. Они не имеют определенного происхождения; они воспроизводят себя в любое время и в любой части света, - даже там, где прямая передача или «перекрестное оплодотворение» посредством миграции полностью исключены. ... Проявление архетипов у детей весьма знаменательно, поскольку можно быть вполне уверенным, что ребенок не имеет прямого доступа к культурной традиции. [26]

С архетипами и коллективным бессознательным, как и со временем их появления в эоне (где это? в антропогене или еще раньше? или все таки где-то в палеолите?!) – как и с многими другими представлениями и теоретическими конструктами возникает множество вопросов, потому как расхожие и заманчивые понятия имеют весьма размытые контуры, которые порой в силах уловить только художник сюрреалист...

Но если мы говорим о психоанализе, как науке, которая изучает доисторический период человека (по образному выражению Дж. Франкла – археология сознания) [22], то существует настоятельная необходимость в ревизии и анализе таких конструктов и понятий для целей их продуктивного применения в реконструктивно-аналитическом моделировании эволюции человеческой психики и деятельности на разных этапах антропогенеза. Помимо психоанализа, в самой современной антропологии имеют широкое

распространение в качестве объяснительных конструктов и общепризнанных понятий значительное число «научных мифов», которые успешно вводят в заблуждение многих исследователей и содействуют созданию реконструктивных картин далекого доисторического и исторического прошлого, имеющих явно отвлеченный фантазийный характер. Для примера возьмем миф о доминанте родового сознания: «В архаическую эпоху отдельный индивид и не осознавал себя субъектом, и не является таковым» [9].

Приматологи на основе богатейшего опыта экспериментирования с высшими обезьянами утверждают совершенно противоположное: «Есть все основания полагать, что значение индивидуальных привязанностей и дружелюбных альянсов возрастало в ходе гоминидной эволюции» [2]. Процесс обучения шимпанзе языку глухонемых, отдельные особи прочно усвоили до 500 понятий, эпизодически используя до 1000 понятий, причем прекрасно используя жесты «Я», «мое», и др. Рожденная в конце XIX века в тиши уютного кабинета «теория матриархата» прочно проникла в научное и быденное сознание как абсолютно достоверный факт, имевший место в человеческой предыстории и определяющий психику человека и многие социальные феномены современного общества. И основанием для появления теории якобы послужили многочисленные палеолитические фигурки женщин (т. наз. «палеолитические Венеры» найденные археологами). В настоящее время в интернет, в социальных сетях имеет место такое явления как «посты котиков» - мы же не строим в данном случае теории котоархата, а говорим, что это явление «котомании» (болезнь усталого сознания неизвестной природы).

Хотелось бы все таки прояснить картину: какие основания для позиционирования всеобъемлющего феномена матриархата имеет современная наука, если глядя на скульптуру античной Венеры Милосской мы не говорим – это матриархат, а неказистые палеолитические фигурки женщин, больше похожие на первые опыты эротического искусства, послужили поводом для создания всепроникающей теории антропосоциогенеза?!

А чего стоит догматический научный миф о том, что 40 тыс. лет назад человек стал Homo Sapiens и его биологическая эволюция прекратилась, оставив только социальную?

В замечательной книге Дж.Франкла «Археология ума» [22], основанной на твердой платформе ортодоксального фрейдизма и господства «теории матриархата» можно обнаружить наряду с продуктивными научными идеями об изучении истоков общества и психосоциального

развития человека, что значительное место уделено полету фантазии на тему: битва между матриархатом и патриархатом и т.п. Автор книги «Антропология мифа» А.Лобок просто фонтанирует обилием идей в сфере «археологии мифа», порождая удивительный синтез проникновения в реальность прошлого и новые глубокие погружения во внутренние виртуальные миры фантазийного психоанализа. Ниже мы приводим фрагмент такого понимания психологии ребенка, осваивающего семантическое пространство своего окружения с помощью сотворения собственного мифа. «Ребенок рождается в мир уже существующего языка и существующей культуры. Однако и то, и другое ему являются как абсолютная загадка, которую он должен суметь расшифровать на свой страх и риск. Попробуем смоделировать положение годовалого ребенка, сталкивающегося со всем реальным семантическим многообразием живого языка – многообразием, которое всегда оказывается концептуально спрятано. Это невероятно сложное и странное положение: ведь все многочисленные смысловые контексты ребенку приходится расшифровывать самому, на свой страх и риск. ... Ребенок рождается в культурный мир, никем предварительно не объясненный. А это значит, что странный и противоречивый мир культуры, представляющий собой фантасмагорическое перемещение различных семантических полей, смыслов и интерпретаций, обрушивается на сознание маленького ребенка труднорасчленимой какофонией звуков и красок. ... Каждый ребенок – просто чтобы суметь хоть как-то сориентироваться в этом мире – оказывается вынужден сочинить некую условную систему координат, которая бы хоть как-то санкционировала право столь странного, столь размытого и неустойчивого мира на существование. И хотя ребенок выброшен в этот мир не по своему желанию, он оказывается просто обязан каким-то образом предупредить информационно-смысловой шок, неизбежный в этой ситуации. ... Таким образом, миф – это то, что возникает на уровне защитной потребности. Миф – это то, что создается внутренним зрением самого ребенка, а вовсе не навязывается ему извне. Миф – это тот инструмент, который ребенок не может взять из внешнего ему мира, а вынужден изобретать сам, чтобы защитится от семантического шока, связанного с разнообразием культурной семантики. Именно миф – иллюзорное понимание и объяснение окружающего мира - позволяет сознанию маленького ребенка вступить с окружающим миром в спокойный диалог». [10]

Социализация – овладение набором программ деятельности и поведения, характерных для той или иной культурной традиции, а также процесс интериоризации индивидом выражающих их знаний, ценностей и

норм. [12]

Социальность можно рассматривать в качестве универсальной адаптации животных к среде обитания. Каждая особь вида – яркая индивидуальность. Её отсутствие или присутствие в группе приводит к конкретным социальным перестройкам. [2]

Выдающийся российский историк и палеопсихолог Б.Ф. Поршнев считал, что у человека существуют врожденные способности обучения в онтогенезе, обусловленные имитативностью (инстинкт подражания у животных) и суггестивностью (определенной степенью врожденной внушаемости), что в значительной степени послужило основой формирования и развития речи и мышления. [17, 18]

Также Б.Ф. Поршнев придавал большое значение феномену «психического заражения» как одному из проявлений суггестии и обращал внимание на древность его происхождения и обусловленности психики его влиянием. Источниками внушения (также как психического заражения) могут быть отдельный индивид и группа.

Удивительный труд Б.Ф. Поршнева «О начале человеческой истории» до настоящего времени не востребован полноценно отечественной и зарубежной наукой. Для нашей темы «Игра как средство охотничьей социализации» помимо названных выше имитативности и суггестивности, крайне важны представления Б.Ф. Поршнева о центральном значении речи в психике человека и о механизмах нейросигнального взаимодействия между особями и популяциями.

Итак, путем кратковременных и эскизно-штриховых блужданий по некоторым опорным точкам психоанализа, антропологии, палеопсихологии и «научной мифологии», мы вплотную приблизились к заявленной нами теме: попытка реконструкции роли и значения игры как средства охотничьей социализации в первобытных общинах верхнего палеолита. Что мы и проделаем на примере известных археологических объектов верхнего палеолита Южной Сибири, на примере всемирно известных памятников палеолитической культуры охотников на мамонтов Мальты и Бурети. Выбор объектов для реконструктивно-аналитического моделирования фрагментов социокультурной деятельности обитателей названных палеолитических стоянок вызван следующими причинами:

- 1) Примерно сходное время существования поселений, сходная по уровню развития (весьма вероятно) материальная культура и, соответственно, культура охотничьей деятельности, что позволяет произвести некоторые сравнения и взаимодополнения.

2) Широкое распространение верхнепалеолитической культуры охотников на мамонтов на территории Северной Азии и Северной Америки. [14, 16]

3) Продолжительное существование культуры охотников на мамонтов, предположительно от 30 тыс. лет назад до 9 тыс. лет назад. «В Новом Свете охотой на мамонтов занимались люди, культура которых относится к комплексу «кловис» (льяно) – 11,5 – 11 тыс. лет назад. ... Черты сходства некоторых аспектов культур Нового и Старого Света позволяют предположить существование некоторых отдаленных отношений между верхнепалеолитическими охотникам на мамонтов, обитавшими на территории Старого Света и кловинскими охотниками на мамонтов в территории США». [24]. Исчезновение данной охотничьей культуры мы связываем прежде всего с резкими природно-климатическими изменениями, обусловившими быстрое вымирание и смену охотничьей фауны верхнего палеолита.

4) Наличие реликтовых вымирающих этносов Северной Азии и Северной Америки, которые могут являться «осколками» и фрагментами верхнепалеолитической культуры охотников на мамонтов, сохранившими в своей охотничьей культуре (в том числе: в деятельности и социализации) элементы древнего наследия, что позволяет включить (с определенной осторожностью, на уровне гипотез) эти архаичные элементы в реконструктивно-аналитическое моделирование охотничьей деятельности культуры верхнего палеолита.

Автор статьи в 1980 году работал учителем в школе-интернате дер. Наканно на севере Катангского района Иркутской области, где из 55 учеников больше 80% были дети эвенков и дети смешанных эвенкийских браков из деревень Наканно, Хамакар, фактории Инаригда. Имел редкую возможность наблюдать особенности охотничьей социализации со значительным элементом эвенкийской охотничьей культуры. В пятом-шестом классе отдельные ученики до начала занятий (зимой, в 8 часов утра) уже успевали сбегать в тайгу (рядом с деревней), проверить петли или поставить новые. В 7 и 8 классах преподавался факультатив «Охотоведение», который был любимым предметом у школьников, а самое замечательное время – это двухнедельная практика по осеннему отлову ондатры, когда ученики 7,8 классов жили в палатках за рекой Нижней Тунгуской в сопровождении учителя и завхоза школы. Вели полностью самостоятельный полевой образ жизни, успешно отлавливали ондатру, обдирали и правили шкурки, ловили рыбу, охотились на боровую дичь. Можно сказать, что к возрасту 12-14 лет обладали в значительной степени базовыми навыками

охотничьей социализации.

В настоящее время в отдельных этносах Сибири и Северной Америки еще можно встретить элементы охотничьих культур разной степени архаичности. Но в XX и XXI веке, в результате наступления цивилизации, такие этносы быстро трансформируются, теряя традиционную культуру (опыт тысячелетних традиций и навыков, передаваемых их поколение в поколение сотни и тысячи лет), часто деградируют и полностью ассимилируются в пришлой культуре. Безусловно, большое значение имеет опыт изучения реликтов древних охотничьих культур, который несет в себе неповторимые грани адаптации человека к условиям суровой северной природы. [6, 19]

«Необходимо отметить высокую степень организации охоты, так как только при коллективной охоте можно обойтись без применения специализированных орудий. Подобных орудий на стоянке Мальта не найдено. Убитые крупные толстокожие, как-то: мамонт и носорог, расчленились на месте охоты и в лагерь приносилась лишь наиболее ценная часть. ... Кости 407 экземпляров убитых северных оленей, не менее 50 песцов, 11 носорогов и 9 мамонтов – свидетельствует о высоком уровне охоты и о её большом экономическом значении в жизни древних насельников края, оставивших Мальтинскую стоянку». [4]

Исходя из описания М.М. Герасимова по Мальтинской стоянке можно выдвинуть следующую рабочую версию: обитавшая на стоянке первобытная община палеолитических охотников на мамонтов имела численность 50-60 человек из 10-15 взрослых мужчин – охотников и проживали община на стоянке около 20 лет. Из чего мы исходим? 1. Количество добытых животных. 2. Оптимальный состав охотничьего коллектива для успешной добычи найденных археологами останков животных. 3. Площадь мальтинского поселения. 4. Продолжительность жизни охотников того времени (предположительная) и возраст начала участия в охотах.

Верхнепалеолитическая стоянка Буреть [15] находится примерно в 50 км от стоянки Мальта на 18 км ниже устья реки Белой. Буреть датируется одним временем с Мальтинской стоянкой. Отличается склоновым размещением – Мальтинская стоянка имеет более горизонтальное положение. Склоновым размещением может объясняться смыв части мелких каменных орудий, поделок и костных остатков. Выскажем рабочую гипотезу, что в Бурети проживала верхнепалеолитическая общины охотников на мамонтов, близкая по времени (вероятно – одновременная) и родственная по культуре и примерно сходная по численному составу общине мальтинской – 50-60 человек. Вероятно, существование стоянки Буреть (пребывание на ней

охотничьей общины) несколько короче по времени – 12-15 лет. Далее, как основной вариант для реконструктивных представлений мы будем рассматривать стоянку Мальта.

Мы предполагаем, что полноценными охотниками (в те далекие времена) становились в возрасте 14-16 лет в результате продуманной системы обучения и прохождения заключительного испытания, подтверждавшего практические навыки и психологическую готовность к участию в коллективной охоте на крупного зверя. После успешного испытания молодой охотник проходил обряд инициации или посвящения, который подтверждал его признание в качестве полноценного охотника общины.

Община проживала на стоянке (в базовом лагере) около девяти месяцев. При наступлении первых холодов происходила коллективная охота на крупного зверя (мамонта или носорога) для того, чтобы обеспечить запас мяса на первую половину зимы. После производства охоты и доставления добычи на базовую стоянку (в начале – только самых лакомых частей туши), на стоянке происходила полная разделка туши, рубление и замораживание больших кусков мяса для долгого хранения (вероятно для этих целей использовались специально вырытые ямы-ледники, находившиеся на территории стоянки или недалеко от неё). Далее в течение девяти осенне-зимне-весенних месяцев добывалось около 20 северных оленей, туши которых доставлялись в лагерь вместе с рогами (рога были ценным сырьем для изготовления различного инвентаря и поделок, а также обмена с соседними и другими удаленными племенами).

Вероятнее всего, северные олени были доступны в течение круглого года, то есть, принадлежали к местной популяции. Хотя, возможен вариант, что олени и крупный зверь добывались во время миграции с севера на юг в течение короткого периода, скажем около двух-трех недель (мы пока не встречали работ, где убедительно реконструированы миграции мамонтов и северных оленей во времена верхнего палеолита). Вероятно, носороги были, скорее всего, из местных популяций, о чем говорит наличие черепов носорогов, обнаруженных на стоянке - видимо их добывали не очень далеко от стоянки, что позволяло доставлять всю тушу целиком.

В летние месяцы община откочевывала в летние лагери-стоянки. Их могло быть два или три. Один – охотничий, один – собирателей и один – заготовителей каменного сырья. Примерно пятая часть населения общины оставалась в базовом лагере для его охраны, для изготовления инвентаря из камня и кости, для выделки шкур и шитья одежды (все эти операции осуществлялись круглый год).

Судя по обнаруженным запасам рогов северного оленя (200 пар рогов) – это мог быть либо склад сырья для обмена или изготовления, но скорее всего – это могло быть оформление ритуального места общины, где совершались обряды, охотничьи ритуалы. По наличию изделий из кости, а также пластины с орнаментом из экзотических змей, можно выдвинуть версию, что мальтинскую общину охотников на мамонтов возглавлял знатный шаман, слава о котором уходила далеко за пределы соседних общин (но это уже тема для дальнейших реконструкций). [4, 8]

В общине с такой численностью детей и подростков в возрасте от 0 до 14 лет могло быть от 15 до 25. В возрасте до 1,5 лет они находились при матери.

От 1,5 до 3 лет с ними занимались более старшие дети и подростки, вовлекая их во всевозможные игры и обучая различным упражнениям (бег, прыжки, метания мелких камней, манипуляции с различными предметами – переноска камней, шкур, сборание сухих веток для очага).

В возрасте от 3 до 5 лет дети активно вовлекались в бытовую и хозяйственную деятельность, как матерью, так и другими взрослыми общины, которые выполняли определенные хозяйственные функции: заготовка дров, сборание съедобных корешков, семян растений (обычно недалеко от стоянки или летнего лагеря). В этом возрасте усложнялись игры, и появлялся заметный элемент обучения полезным навыкам для собирательства, охоты и различных бытовых операций. Ребенок уже мог самостоятельно весь день поддерживать огонь в очаге, помогать матери и ухаживать за более маленькими детьми; активно осваивать и изучать окрестности стоянки, учился пользоваться хозяйственным инвентарем, узнавал и запоминал много новых слов, обозначающих животных, растения, объекты ландшафта. Резко возрастал его словарный запас коммуникативные возможности, ему больше внимания уделяли взрослые, с целью обучения различным приемам, полезным в будущей взрослой деятельности.

В возрасте от 5 до 8 лет ребенок становился более полноценным и активным участником хозяйственно-бытовой жизнедеятельности общины. Игры становились все более прикладными и обучающими к предстоящей взрослой деятельности: метание копья, бег, упражнения на координацию, состязание на меткость.

В возрасте от 8 до 14 лет ребенок полностью вовлекался в хозяйственно-бытовую деятельность наравне со взрослыми (с учетом их физических и интеллектуальных возможностей, а также навыков инструментальной деятельности). Происходило обучение приемам оббивания камней с целью приготовления простейшего инвентаря, участие в

выделке шкур, в заготовке плодов, семян, корней, дров, в приготовлении пищи, в освоении охотничьих приемов и навыков. Игры становились более прикладными и более состязательными, более пристально оцениваемыми взрослыми членами общины.

Можно сказать, что в воспитании подрастающего поколения принимала участие вся община, и каждый ребенок находился в поле зрения каждого члена общины. Много игр носило имитативный, подражательный характер. Проигрывались сцены взрослых ритуалов, сцены из рассказов взрослых.

В зимнее время, после захода солнца, почти вся община в полном составе (за исключением дозорных или дежурных часовых, охранявших стоянку-поселение), собиралась в одном большом помещении с большим очагом, и начиналось время рассказов о прошлом общины, о людях, об окружающем мире, об охотах и охотничьих животных, об удивительных случаях и явлениях. Рассказ вел глава общины или шаман. В нем могли принимать участие старейшины общины и лучшие охотники. Рассказ сопровождался часто мимикой, жестами, и был ярким и выразительным. Все дети присутствовали при этом и в последующие дни, в общении между собой, могли разыгрывать сцены из вечерних рассказов общины, распределяя роли охотников, мамонтов, оленей, медведей, росомех, носорогов...

В целом на всех этапах детского и подросткового возраста в играх детей присутствовал большой элемент подражания ритуалу, охотничьим сценам и мотивам, который формировал навыки и рефлексии, пригодные для будущей охотничьей и хозяйственно-бытовой деятельности. Вероятно, существовало различие в играх мальчиков и девочек, которые с 5 или 8 лет приобретали все более отличный специализированный характер.

В играх спонтанных, затеваемых и предлагаемых кем-то из самих детей, присутствовал значительный элемент экспериментирования и индивидуальной фантазии.

В играх произвольных, инициируемых взрослыми или старшими детьми, содержался большой элемент «программности», т.е. заданных правил ролевого поведения, наличия целей и ориентиров.

Имели место игры на исследование окружающего ландшафта и умения использовать особенность ландшафта, отдельных объектов (умения находить «скрытые места», прятаться, имитируя роль охотничьих животных).

Значительное место занимали различные языковые игры – фантазии, которые начинались в возрасте 3-5 лет и продолжались до возраста взрослости (условно – до 14 лет). В этих играх ценились качества придумывать новые слова и новые образные картины. Во многом

способствовали этим играм вечерние рассказы взрослых: предания, легенды, сказки, мифы, случаи и явления реальности.

Безусловно, игровые проявления присутствовали и зависели от повседневной реальности общины и от природных, погодных условий, от обеспеченности общины пищей, теплом (очаг, дрова, одежда, утепление жилья шкурами), от настроения взрослых.

Можно утверждать, что игра в верхнем палеолите имела значительную роль в процессе социализации членов общины и формировала их индивидуальный опыт, а также во многом предопределяла процесс приобретения навыков и ресурсов активной жизнедеятельности каждого индивидуума общины и его роль в жизни общины.

Мы считаем, что используя данные эволюционной психологии, психоанализа, приматологии, этнографии и антропологии можно успешно осуществлять процесс реконструктивно-аналитического моделирования деятельности обитателей верхнего палеолита и других этапов антропогенеза. [1, 3, 17, 18] Такая форма мысленного экспериментирования позволит не только реконструировать и интерпретировать поведение человека былых эпох доисторического и исторического времени, но и более адекватно понимать поведение наших современников (индивидуальное, коллективное и массовое, т. е. стихийное поведение толпы).

Список литературы

1. Алексеев В.П. Становление человечества. – М.: Политиздат, 1984. – 462 с.
2. Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества (Поведенческие аспекты эволюции человека). – М.: Наука, 1993. – 256 с.
3. Винобер А.В. Апология охоты (краткий очерк философско-антропологической теории охоты). – Иркутск: Оттиск, 2016. – 100 с.
4. Герасимов М.М. Памятники родового общества Прибайкалья. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2007. – 156 с.
5. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию/Отв. ред. и сост. П. В. Алексеев. — М.: «Школа-Пресс»,. 1995.-448 с.
6. Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (по материалам нганасан XIX – начал XX века). Л., 1983
7. Дольник В.Р. Вышли мы все из природы: беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей, М.: LINKA PRESS, 1996. – 327 с.
8. Ларичев В.Е. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. – ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993 . – 287 с.
9. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении.- М.: Педагогика – Пресс, 1994 – 608 с.
10. Лобок А.М. Антропология мифа. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – 688 с.
11. Моррис. Д. Голая обезьяна / Пер. с англ. В. Кузнецова. – СПб.: Амфора, 2001. – 269с.
12. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.

13. Новоселова С.Л. Развитие интеллектуальной основы деятельности приматов. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО МОДЭК, 2001. – 288 с.
14. Окладников А.П. Васильевский Р.С. По Аляске и Алеутским островам. – М.: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. – 167 с.
15. Окладников А.П. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья (к исследованиям в Бурети 1936-1939 гг.) [Электронный ресурс] // Археология : сайт. – Режим доступа: <http://arheologija.ru/okladnikov-novyie-dannye-o-paleoliticheskom-proshlom-pribaykalya-k-issledovaniyam-v-bureti-1936-1939-gg/> (дата обращения 20.04.2017)
16. Панасюк Н.В. Модели заселения Америки (хозяйство и материальная культура населения рубежа плейстоцена и голоцена) // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2012. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/modeli-zaseleniya-ameriki-hozyaystvo-i-materialnaya-kultura-naseleniya-rubezha-pleystotsena-i-golotsena> (дата обращения: 20.04.2017).
17. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука. – 1966. – 212 с.
18. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М; Мысль, 1974. – 487 с.
19. Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва-Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2002. – 286 с.
20. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. Пер. с англ. - М.: Политиздат, 1989. - 573 с.
21. Философия культуры. Становление и развитие. Под ред. М. С.Кагана, Ю. В. Перова, В. В. Прозерского, Э. П. Юровской – СПб.: Издательство «Лань», 1998. – 448 с.
22. Франкл Дж. Археология ума : пер. с англ. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 254 с.
23. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / Пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; Коммент. Д. Э. Харитоновича - М.: Прогресс - Традиция, 1997. - 416 с.
24. Хэйнес В. Охотники на мамонтов в США и СССР / В. Хэйнес // Берингия в кайнозое. – Владивосток, 1976. – С. 427-437
25. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М., 1996. — 641 с.
26. Юнг К.Ш. Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
27. Юнг К.Г. Бог и бессознательное. – М.: Олимп, ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998. - 480 с.